

ИВАНЪ АЛЕКСѢВИЧЪ БУНИНЪ.

До сихъ поръ не могу понять, какъ это мы, въ старой Россіи, просмотрѣли Ивана Бунина! Не вспомню, чтобы кто-нибудь прочиталъ о Бунинѣ публичную лекцію. Даже въ тѣ баснословные годы, когда лекціи читались рѣшительно обо всѣхъ — чуть-ли не объ Анатоліи Каменскомъ — и устраивались общественные диспуты о томъ, что есть Лука изъ горьковского „На днѣ“: символъ или просто старичекъ безъ паспорта?

Бунинъ пользовался почтенной извѣстностью, его знали и читали. Но если бы вы спросили средняго русскаго интеллигента, какое мѣсто Бунинъ занимаетъ въ русской литературѣ, онъ поставилъ бы его ниже Горькаго, ниже Андреева, ниже Куприна, ниже Сологуба и даже нѣкоторыхъ другихъ. Среди этихъ сановниковъ литературы, Бунинъ, въ глазахъ рядового читателя, являлся чѣмъ-то вродѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Чинъ почтенный, но лишенный поэзіи блеска. Когда Бунина выбрали въ академики, публика нѣсколько даже удивилась: Бунина?

Этимъ явленіемъ русская художественная критика гордиться не можетъ. Еще меньше можетъ гордиться имъ русская читающая публика и русская молодежь, часто увлекавшаяся литературной дешевкой и прошедшая мимо большой красоты и большой правды творчества Ивана Бунина.

Крупнѣйшій и подлиннѣйшій художникъ, Бунинъ покоряетъ внимательнаго читателя необыкновенной остротой наблюденія и чудесной правдивостью изображенія. Строгости рисунка у него соответствуетъ аскетическая честность слова. Никогда Бунинъ не польстится на эффектный литературный приемъ, на красивую фразу. Какъ пустынный, онъ бѣжитъ словесной суеты и ложной мудрости эффектныхъ сентенцій. И это — отъ великой горделивости Бунина, вполне сознающаго ж р е ч е с к у ю сущность писателя. Читателю онъ сообщаетъ ровно столько, сколько это абсолютно необходимо. Въ экспансивную бесѣду, а тѣмъ болѣе въ фамильярную болтовню онъ никогда съ нимъ не вступаетъ. Оттого большой темпераментъ его всегда на желѣзной уздѣ, оттого его стиль сдержанъ, полно-вѣсно-напряженъ и упругъ. Онъ очень скупъ на слова. Лишнихъ словъ у него почти никогда не бываетъ. Но то немногое, что онъ говоритъ, — мѣтко, важно и правдиво.

Строгий писатель, чаще всего холодно и какъ бы безстрастно бичующій жизнь, — уродливую, тяжелую, звѣриную, подлую — онъ бываетъ подчасъ умилительно нѣжнымъ — скрытой, стыдливой нѣжностью: къ человѣку, котораго онъ пожалѣлъ, къ явленію, которое его взволновало. И притомъ, огромное проникающее чувство природы и изумительная чуткость къ животному и къ звѣрю.

Лучшее произведеніе Бунина, конечно, „Деревня“, которую М. О. Цетлинъ справедливо назвалъ симфонической поэмой. „Гражданской“ стороны этого произведенія я касаться здѣсь не буду совершенно. Справедливъ ли Бунинъ къ русской деревнѣ и русскому мужику; вся ли правда о мужикѣ въ ней сказана или не вся; есть ли это обобщающее изображеніе крестьянина или это только рассказъ о такихъ-то (имя — рекъ) мужикахъ — въ данномъ случаѣ меня нисколько не интересуетъ. Теперь „Деревня“ интересуетъ меня только какъ художественное произведеніе, въ которомъ великій талантъ Бунина получилъ наиболѣе отличительное выраженіе. Исчерпывающій

анализъ этого замѣчательнаго произведенія потребовалъ бы цѣлую книгу, — и большую. Размѣры статьи заставляютъ меня сформулировать мою задачу почти до простаго воспроизведенія нѣсколькихъ отрывочныхъ штриховъ текста бунинской поэмы.

„Деревня“ — богатая портретная галерея. Масса деревенскихъ типовъ. Одни изъ нихъ написаны масляными красками, тщательно и густо; другіе намѣчены акварельно; третьи чуть-чуть тронуты карандашомъ. Но всѣ они одинаково изумительны своей яркой жизненностью. Они дышатъ и живутъ каждой чертой, каждымъ словомъ и каждымъ жестомъ. Нѣтъ надобности близко знать деревню для того, чтобы засвидѣтельствовать исключительную правдивость мужицкой рѣчи Бунина. Такихъ діалоговъ и такихъ репликъ выдумать нельзя, какъ нельзя выдумать желѣзную руду или жирафа. Мужицкая рѣчь у Бунина правдива и естественна настолько, что реплика, какъ въ совершенномъ драматическомъ произведеніи, одновременно рисуется и жестъ: его не надо описывать, онъ самъ возникаетъ въ представленіи читателя. Вотъ это слово сказано въ состояніи покоя, а это брошено на ходу. Когда вы слышите бунинскаго мужика, вамъ не приходится наводить о немъ дальнѣйшихъ справокъ. Онъ предъ вами весь: богатый, бѣдный, дуракъ, хитрецъ...

Есть въ „Деревнѣ“ одинъ женскій типъ — Молодуха. Эта Молодуха — дѣлаетъ Бунину великую честь. Эпизодикъ какъ будто. На ней онъ долго не останавливается ни разу. Она мелькаетъ въ поэмѣ то тутъ, то тамъ. Большею частью, какъ аксессуаръ — для характеристики другихъ дѣйствующихъ лицъ. А какая глубокая и потрясающая драма — жизнь Молодухи! Никто не рассказывалъ такъ остро и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ неподчеркнуто „долю“ русской деревенской бабы. Какая страшная правда, и какъ убѣдительно она сообщена, хотя „героиня“ эта на протяжении всей книги едва ли произноситъ дюжину фразъ... Я часто спрашиваю себя: не является ли Молодуха для Бунина главнымъ дѣйствующимъ лицомъ „Деревни“? Не даромъ, вѣдь, поэма кончается картиной ея печальной, рабьей свадьбы!

Но не только портретами опредѣляется рѣдкая художественная цѣнность „Деревни“. Въ ней есть одинъ неизгладимый, незабываемый и потрясающій обликъ, — обликъ Русской Деревенской Жизни. Трудно указать другую современную книгу, въ которой картины быта, жанръ и пейзажъ были бы въ одно и то же время такъ строго индивидуальны и такъ всеобъемлюще синтетичны.

Вотъ иллюстраціи.

Поѣздка на ярмарку.

Дорога:

„Въ сумерки подматывали телѣги, набивали ихъ сѣномъ; къ одной, въ которой ѣхалъ староста, привязывали лошадей или коровъ, назначенныхъ къ продажѣ; въ другую, въ которой ѣхалъ самъ хозяинъ съ работникомъ-старикомъ, клали подушки, чуйку. Выѣзжали поздно и, поскрипывая, тянулись до разсвѣта. Сперва вели дружественные разговоры, курили, рассказывали другъ другу страшныя, старинныя исторіи о купцахъ,

убитыхъ въ дорогѣ и на ночевкахъ. Потомъ Тихонъ Ильичъ укладывался спать, и такъ пріятно было слышать сквозь сонъ голоса встрѣчныхъ, чувствовать, какъ робко покачивается и какъ будто все подъ гору ѣдетъ телѣга, ерзаетъ щека по подушкѣ, сваливается картузъ, и холодитъ голову ночная свѣжесть. Хорошо было и проснуться до солнца, розовымъ росистымъ утромъ, среди матово-зеленыхъ хлѣбовъ, увидеть вдаль, въ голубой низменности, весело бѣлющій городъ, блескъ его церквей, крѣпко зѣвнуть, перекреститься на отдаленный звонъ и взять вожжи изъ рукъ полусоннаго старика, по-дѣтски ослабѣвшаго на утреннемъ холодкѣ, блѣднаго какъ мѣлъ при свѣтѣ зари. . .“

На постояломъ дворѣ :

„А на постояломъ дворѣ на Щепной площади было такъ жарко, такъ кусали блохи, и такъ часто раздавались голоса у воротъ, такъ гремѣли въѣзжавшія на каменный дворъ телѣги, и такъ рано заорали пѣтухи, заворковали голуби, и побѣлѣло за открытыми окнами, что онъ и глазъ не сомкнулъ. Мало спалъ и вторую ночь, которую попробовалъ провести на ярмаркѣ, въ телѣгѣ: ржали лошади, горѣли огни въ палаткахъ, кругомъ ходили и разговаривали, а на разсвѣтѣ, когда такъ и сплпались глаза, зазвонили въ острогѣ, въ больницѣ — и надъ самой головой подняла ужасный ревъ корова. . .“

Картина ярмарки :

„Ярмарка, раскинувшаяся по выгону на цѣлую версту, была, какъ всегда, шумна, безтолкова. Грудами лежали метла, косы, жбаны, лопаты, колеса. Стоялъ нестройный гомонъ, ржаніе лошадей, трели дѣтскихъ свистулечъ, марши и польки гремящихъ на каруселяхъ оркестріоновъ. Бездѣльная, говорливая толпа мужиковъ и бабъ валомъ валила съ утра до вечера по пыльнымъ, унавоженнымъ переулкамъ между телѣгами и палатками, лошадьми и коровами, балаганами и свѣстными, откуда несло воночимъ чадомъ сальныхъ жаровень. Какъ всегда, была пропасть барышниковъ, придававшихъ страшный азартъ всѣмъ спорамъ и сдѣлкамъ; безконечными вереницами, съ гнусавыми напѣвами тянулись слѣпые и убогіе, нищіе и калѣки, на костыляхъ и въ телѣжкахъ; медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправника, сдерживаемая кучеромъ въ плисовой безрукавкѣ и въ шапочкѣ съ павлиньими перьями.“

Въ эту густую, пеструю и шумную толпу мастерски вкраплены характерныя фигуры. Вотъ, наугадъ двѣ :

„Красавецъ-гусарь князь Бахтинъ съ женой въ англійскомъ костюмѣ и севастопольскій герой Хвостовъ, высокій и костистый, съ крупными чертами темнаго, морщинистаго лица, въ длинномъ мундирѣ и обвислыхъ штанахъ, въ сапогахъ съ широкими носками и въ большомъ картузѣ съ желтымъ околышкомъ, изъ подъ котораго были начесаны на виски крашеные волосы мертваго, бураго цвѣта.

... Бахтинъ не унижался до разговора съ Тихономъ Ильичемъ, хотя тотъ почтительно вставалъ передъ нимъ и говорилъ: „Подходящая-съ лошадка для вашего сіятельства“. Бахтинъ только откидывался назадъ, глядя на лошадь, сдержанно улыбался въ усы съ подусниками и намеками перекидывался съ женой, поигрывая ногой въ рейтузѣ вишневаго цвѣта. А Хвостовъ, дошаркавъ до лошади, косившей на него огненнымъ глазомъ, останавливался такъ, что казалось, что онъ падаетъ,

поднималъ костыль и въ десятый разъ спрашивалъ глухимъ, ничего не выражающимъ голосомъ :

— Сколько просишь?“

Мужики ѣдутъ съ ярмарки :

„Подымая тучи пыли, гнали лошаденокъ пьяные мужики, возвращавшіеся съ ярмарки — чуть не по десятку на каждой подводѣ — рыжіе, сивые, черные, бѣлобрысые, но всѣ одинаково безобразные, гоштіе и лохматые. И, обгоняя ихъ гремящія телѣги, Тихонъ Ильичъ моталъ головой :

— У, нищebroды, пропади вы пропадомъ!

Одинъ, въ изорванной на ленты ситцевой рубахѣ, спалъ, колотился, какъ мертвый, лежа на спинѣ, закинувъ голову, задрать окровавленную бороду и распухшій въ засохшей крови носъ. Другой бѣжалъ, догонялъ сорванную вѣтромъ шапку, споткнулся — и Тихонъ Ильичъ съ злобнымъ наслажденіемъ вытянулъ его кнутомъ. Попалась телѣга, полная рѣшетъ, лопатъ и бабъ; сидя къ лошади спинами, онѣ тряслись и подпрыгивали; у одной на головѣ былъ новый дѣтскій картузикъ козырькомъ назадъ, другая пѣла, набивъ ротъ калачемъ, третья махала руками и съ хохотомъ орала вдогонку Тихону Ильичу :
— Дядя! Чеку потерялъ!

И онъ придержалъ лошадь, далъ себя обогнать и вытянулъ кнутомъ и бабу. . .“

Жеребчикъ :

„Солнце садилось послѣ дождливаго дня въ сѣро-красныя тучи, стволы въ березовомъ лѣсочкѣ были алые, проселокъ, рѣзко выдѣлявшійся черно-фіолетовой грязью среди свѣжей зелени, былъ тяжелъ. Съ ляжекъ жеребчика, со шлеи, ерзавшей по немъ, падала розовая пѣна.“

Песнь :

„Съ удивленіемъ глянулъ онъ на лохматаго Буяна, кинувшагося къ нему изъ подъ амбара: лапы въ грязи, но самъ — какъ кипень, глаза блестятъ, языкъ свѣжъ и красенъ, какъ огонь, здоровое, горячее дыханіе такъ и пышетъ псиной. . . И это послѣ цѣлой ночи бѣготни и лая!“

Варокъ :

„Тихонъ Ильичъ самъ оптеръ скрипучія ворота варка и первый вошелъ въ его теплый и грязный уютъ, обнесенный навѣсами, денниками и закутами. Выше щиколки былъ унавожень варокъ. Навозъ, моча, дождь — все слилось и образовало густую, коричневую жижу. Лошади, уже темнѣя бархатной зимней шерстью, бродили подъ навѣсами. Овцы грязно-сѣрой, волнующейся массой сбились въ одинъ уголь. Старый, бурый меринъ одиноко дремалъ возлѣ пустыхъ яслей, замазанныхъ тѣстомъ. Съ непривѣтливаго, ненастнаго неба надъ квадратомъ двора моросило и моросило, но меринъ ничего не замѣчалъ. Кабаны болѣзненно, настойчиво ныли и урчали въ закутѣ.“

Первый зимній вечеръ :

„Ребята! Кормъ задавать. . .“

Съ фонаремъ бродили по варку, освѣщая застывшій навозъ, разсыпанную солому, ясли, столбы, кидая огромныя тѣни, будя куръ на переметахъ подъ навѣсами. Куры слетали, падали и, наклоняясь впередъ, засыпая на бѣгу, бѣжали куда попало. Большіе лиловые глаза лошадей, поворачивавшихъ на свѣтъ головы, блестяли и глядѣли такъ странно и великолѣпно. Отъ дыханія шелъ паръ, — точно всѣ курили. И когда Тихонъ Ильичъ опускалъ фонарь и взглядывалъ вверхъ, онъ съ радостью видѣлъ надъ квадратомъ двора, въ

глубокомъ, чистомъ небѣ, яркія, разноцвѣтныя звѣзды. Слышно было, какъ сухо шуршало по крышамъ и морозной свѣжестью дуло въ щели сѣверный вѣтеръ... Слава тебѣ, Господи, — зима!“

Зима:

„Послѣ сидѣнія въ Дурновкѣ нельзя было надыхаться крѣпкой свѣжестью зимняго воздуха. Послѣ долгаго созерцанія, деревни поражала снѣжно-сѣрый просторъ, по-зимнему синѣющія дали казались неоглядными, красивыми, какъ на картинѣ. Бодро, отфыркиваясь, неслась противъ жесткаго вѣтра лошадь, смерзшіяся грудки со стукомъ летѣли изъ-подъ кованыхъ копытъ въ передокъ саней. Кошель, съ черно-лиловой, обмороженной щекой, бодро кряхтя, соскакивалъ съ облучка на раскатахъ и на бѣгу бокомъ вскакивалъ на него.“

Февраль:

„Зимѣ еще и конца не предвидится; но оттепели уже начинались. Первая недѣля февраля была темная, туманная. Туманъ скрывалъ поля, сѣдалъ снѣгъ. Деревня чернѣла, между грязными сугробами стояла вода; становой проѣхалъ однажды по деревнѣ гуськомъ, весь закиданный конскимъ пометомъ. Пѣли пѣтухи, изъ вентилятора тянуло волнующей весенней сыростью.“

Вьюга.

„Вьюга не стихла и утромъ. Въ сѣрой, несущейся мути не было видно ни Дурновки, ни мельницы на Мысу. Порой свѣтлѣло, порой становилось похоже на сумерки. Садъ поблѣлѣлъ, гуль его сливался съ гуломъ вѣтра, въ которомъ все чудился дальній колокольный звонъ. Острые хребты сугробовъ дымились. Съ крыльца, на которомъ, жмурясь, обоняя сквозь свѣжестъ вьюги теплый, вкусный запахъ изъ трубы людской, сидѣли облѣпленные снѣгомъ овчарки, съ трудомъ различалъ Кузьма темныя, туманныя фигуры мужиковъ, лошадей, сани, позвякиванье колокольчиковъ.“

А вотъ жанровая картина тонкости безподобной.

Встрѣча губернатора:

„Стоять, вытянувшись во фронтъ и окаменѣвъ, три мѣщанина, гладко причесанные на прямой рядъ, въ вышитыхъ косо-вороткахъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ расчищенныхъ сапогахъ, — Бучневъ, Выставкинъ и Богомоловъ. Выставкинъ, тотъ, что посрединѣ, держитъ передъ грудью хлѣбъ-соль на деревянной тарелкѣ, прикрытой полотенцемъ, расшитымъ пѣтухами, Бучневъ и Богомоловъ — по иконѣ. Часовъ пять ждали возлѣ элеватора, на новыхъ, бурыхъ рельсахъ, прибытія губернатора, тучей летѣла бѣлая пыль по вѣтру, запылены были и вагоны, и деревья. Губернаторъ, длинный и чистый покойникъ въ бѣлыхъ штанахъ съ золотыми лампасами, въ шитомъ золотомъ мундирѣ и треуголкѣ, шелъ къ депутаціи необыкновенно медленно... Всѣхъ поразили необыкновенной худобой и бѣлизной его руки, ихъ кожа, тончайшая и блестящая, какъ снятая со змѣи шкурка, блестящія, размытые перстни и кольца на сухихъ, тонкихъ пальцахъ съ прозрачными, длинными ногтями...“

Такъ выпуклы, выразительны и синтетичны жанръ и пейзажъ Бунина. И что замѣчательно, писатель достигаетъ этого не сложнымъ загроможденіемъ художественныхъ чертъ, совокупность которыхъ создаетъ въ результатѣ впечатлѣніе правды, а непосредственнымъ раскрытіемъ одной, двухъ, но зато самыхъ существенныхъ и характерныхъ чертъ вещи, безъ которыхъ она художественно просто не существовала бы. И это относится не только къ жанру и пейзажу — такъ же точенъ, остръ и мѣткъ психологическій матеріалъ Бунина.

Слава, настоящая слава, которая дѣлаетъ писателя художественнымъ учителемъ, достигла Бунина уже за рубежомъ, въ изгнаніи. Бунина начинаютъ оцѣнивать по настоящему, начинаютъ понимать, что въ русской художественной литературѣ онъ — явленіе. Этому факту нельзя достаточно нарадоваться: онъ свидѣтельствуетъ объ оздоровленіи вкуса и углубленіи духа. Потому что выдающійся талантъ Бунина есть не простое сочетаніе блестящихъ техническихъ свойствъ, а выраженіе сильнаго и правдиваго художественнаго духа.

С. Поляковъ-Литовцевъ.

